

Рефлексия о технике в русской философии XX-XXI веков

Татьяна Сидорина, Даниил Морозов (Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ)¹

Аннотация

Вниманию читателя предлагается обзор работы сессии по вопросам философии техники в рамках секционного заседания «Социальная природа техники: технократический бумеранг» на XIII Ежегодной международной конференции Школы философии и культурологии Факультета гуманитарных наук «Субъект и ответственность: природа, общество, культура». В сессии принимали участие преподаватели и аспиранты Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ, а также аспиранты философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: техника, современность, технократия, последствия технического развития, Бердяев, Библихин, Вышеславцев

Т.Ю. Сидорина (профессор Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ, руководитель сессии) обозначила задачи научной встречи и вопросы для обсуждения. Обратившись к теме секции, Сидорина отметила, что технический тренд – одна из ключевых тенденций будущего социального развития. Сегодня общество будущего называют техногенным, цифровым, обществом риска. Ключевые вопросы заседания:

– социальные последствия технического развития;

– технократическая концепция, активно эволюционировавшая в течение XX столетия в русле развития зарубежной и отечественной философии техники, философии культуры, философской антропологии.

На рубеже XX-XXI в. технократия в особенности привлекала внимание социальных философов. Но отечественные и зарубежные философы писали о ней и на рубеже XIX-XX вв. в рамках социокультурного, антропологического кризиса, о чем и шла речь на секции, посвященной технократическому тренду в современной социальной истории.

Во второй половине XX века и в начале XXI века техническое развитие вышло на новый этап: современный человек столкнулся с вызовом, масштаба которого и не мог представить

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках выполнения проекта № 23-28-00273 «Рефлексия о технике в русской философии культуры XX-XXI века как ответ на антропологический кризис и технократический императив современности» (2023-2024)

себе раньше. Как сегодня мы понимаем технократию и технократическую перспективу? Признавая экспансивный характер развития техники, признаем ли мы это развитие императивным? Насколько силен тренд организации общества вокруг идеологии технического прогресса? Что происходит с человеком в условиях технологической необратимости?

Первый доклад секции был посвящен вопросу преемственности в русле рассуждений о технике среди русских мыслителей начала XX века и современных представителей философской мысли в России.

Сидорина в своем сообщении «Рефлексия о технике и технократии в исследованиях отечественных мыслителей первой половины XX века и современные тенденции в оценке техники как продолжение философского дискурса рубежа XIX–XX вв. в России» обратилась к актуальным вопросам технократической идеологии, истокам ее исследования русскими философами рубежа XIX–XX вв., сопоставив результаты с интеллектуальным наследием западноевропейской мысли данного периода.

Сидорина отметила, что особенность русской рефлексии о технике – эсхатологический подход к интерпретации технического развития, тревога за человека, его существование, его будущее. Также в русской философской мысли присутствуют истоки критического анализа технического развития и его последствий (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, П.Б. Вышеславцев, Е.Н. Трубецкой, М.О. Гершензон), получившие развитие в концепциях философов рубежа XX–XXI вв. Бердяев и Вышеславцев анализировали переживаемый ими этап технического прогресса: высказывали опасения и оценивали предполагаемые последствия. Их труды, посвященные проблеме технократии, определенно оказали влияние на развитие современной философии техники в России и на Западе.

Позиции русских философов сегодня можно рассматривать как основу для переосмысления вектора технического развития, разработки подходов противостояния технической экспансии. Императивная технократическая перспектива – экзистенциальная и культурная трансформация, меняющая отношения человека и мира.

В. Апетьян (студентка магистерской программы «Философская антропология») обратилась с вопросом: можно ли среди общей критики последствий технического развития в русской философии начала XX в. выделить позитивный подход к перспективам технического

развития? **Сидорина**, отвечая, отметила, что в рамках доклада акцент ставился на критическую составляющую философии техники в России первой половины XX в., учитывая схожесть рефлексии о последствиях развития техники и технической перспективы в западной философии. Но все же можно обнаружить и позитивный подход мыслителей, в том числе – проекты русских космистов, в особенности К.Э. Циолковского, связывающего перспективы цивилизации с возможностями техники.

А.В. Михайловский (доцент Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ, сопредседатель сессии) в докладе «Критика технократии как критика дигитальной культуры в метафизических размышления В.В. Миронова» обратился к вопросу современных подходов к оценке технического развития в исследованиях российских философов. Среди центральных вопросов – феномен технократии как ключевой императив современности и его критика в философской мысли, формирование дигитальной/цифровой культуры как отражение культурного и антропологического кризиса XX столетия, критика культуры в философии В.В. Миронова.

Михайловский отметил, что критика технократии начинается с 1960-х гг. прошлого века и является частным случаем внутри критики техники. Отправная точка – ситуация антропологического кризиса. Если исходить из «господства технических категорий в структуре индустриального общества» (Х. Фрайер), то ситуация антропологического кризиса может быть описана так: доверившийся технической возможности (возможности изготовления и удовлетворения потребностей) человек вынужден думать в чисто технических категориях, поскольку имеет дело только с материалами, а не жизненными партнерами. В конечном счете, сам человек становится материалом техники, а не ее субъектом.

Обращаясь к критике культуры в философии В.В. Миронова², **Михайловский** обращает внимание, что она осуществляется в форме критики цифровой культуры. «Нарастание скорости изменений, связанных с новейшими технологиями, выступает важнейшим фактором доминирования неопределенности и непредсказуемости...»³. Критика дигитальной культуры, с точки зрения метафизики, делает естественным новое обращение к Платону и его мифу о

² *Миронов В.В.* Платон и современная пещера big-data // *Миронов В. В. Метафизика не умирает: Избранные статьи, выступления и интервью: научное издание.* Москва: Проспект, 2020. С. 62-84.

³ Там же. С. 70.

пещере. Миронов предлагает новое понятие – «цифровая пещера» или «современная пещера big-data». Платон описывает ситуацию, когда люди с детства прикованы к пещере и не могут не просто сдвинуться с места, но даже повернуть голову. «Современная пещера – пространство глобальной коммуникации. Условием такой виртуальной, но не менее реальной «прикованности» выступают большие данные, посредством которых человек ныне существует в мире и от которых все в большей степени зависит...»⁴. В современной медийной пещере, воплощении современного мира теней, деформация понимания истины становится еще сильнее, поскольку взгляд человека остается направленным в одну сторону («прикованным к экрану»), а вариативность образов (теней) значительно увеличивается. «Прикованность к виртуальной пещере, образы (тени) которой создаются на основе перебора и манипулирования огромным массивом данных, возможного лишь с помощью компьютера, позволяет им выглядеть не просто убедительно, но именно как объективная реальность. А это, в свою очередь, заставляет нас задуматься о понимании и критериях истины...»⁵. Виртуальная реальность – не просто имитация, а симуляция реальности.

Апетьян задала вопрос о возможности понимания техники как новой среды обитания человека. Есть ли такие концепции в философии техники?

Михайловский: конечно, рассмотрение техники не ограничивается культур-критическим дискурсом с одной стороны и трансгуманистическим дискурсом с другой. Вы верно ищете третий путь; он представлен в работах Павла Флоренского, Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера. Эти авторы показывают, что техника может открыть в человеке новые силы, новое измерение; об этом говорит и Бердяев.

И.И. Павлов (старший преподаватель Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ) в докладе «К философии техники Владимира Бибикина: предварительные замечания», продолжая тезис Т.Ю. Сидориной о взаимосвязи зарубежной и отечественной философии техники, обращается к анализу размышлений о технике М. Хайдеггера, посвятившего технике и последствиям технического развития массу статей, в которых он представил собственное понимание феномена техники, и сопоставляет выводы последнего с размышлениями о технике

⁴ *Миронов В.В.* Платон и современная пещера big-data // *Миронов В. В. Метафизика не умирает: Избранные статьи, выступления и интервью: научное издание.* Москва: Проспект, 2020. С. 75.

⁵ Там же. С. 77.

российского философа В.В. Биbihина. Павлов отметил, что в отличии от большинства представителей экзистенциальной философии, Хайдеггер, старательно отмежевывавшийся не только от идентификации его как экзистенциалиста и представителя школы экзистенциализма, так и от самого термина «экзистенциальная философия», рассматривал свою экзистенциальную аналитику не как антропологию, а как фундаментальную онтологию, ставящую вопрос о самом бытии. Эту же традицию поддерживает русский философ, испытавший на себе явное влияние Хайдеггера, – Владимир Биbihин. Мир и «Я» для Биbihина – коррелятивные или даже совпадающие вещи. Раскрывая позицию Биbihина, Павлов акцентирует внимание на том, что наиболее актуальными для философии техники в философии Биbihина являются концепты «автомат», «механизм» и «амехания». Понятие автомата Биbihин противопоставляет механизму. Если механизм есть то, что приводится в действие человеком и контролируется им, то автомат, в буквальном переводе с греческого αὐτόματος, Биbihин понимает как то, что движется само собой. Состояние отключения механизмов, отказа от распорядительного отношения к себе и миру, Биbihин называет амеханией.

Павлов приходит к выводу, что в философии Биbihина в силу связи экзистенциальной аналитики с онтологией, концепты «автомат», «механизм» и «амехания» могут быть применены и к технике в строгом смысле. Понятия автомата и амехании Биbihин также применяет для описания онтологии природы. В качестве автомата *par excellence* Биbihин рассматривает саму природную жизнь, с которой человек оказывается связан в состоянии амехании. Соответственно, концепты философии Биbihина могут быть актуальны и для осмысления конкретных практик технического освоения человеком природы. В частности, Биbihин замечает, что амехания приводит к выпадению человека из того дележа энергии, на котором часто построено капиталистическое общество. Конкуренция за энергию настолько высока, что даже в философских размышлениях о понятии энергии деловые люди могут заподозрить претензию на «участие в дележе выгод от потока энергии», поскольку «причастность к энергии, к ее источникам, всякая, даже самая малая, дает в наше время престиж, статус, валюту». Иначе говоря, философия, ставящая своей целью амеханию, оказывается экзистенциальной практикой, имеющей практическим следствием прекращение или, по крайней мере, ослабление технической эксплуатации природных ресурсов. Так, в

философии Библихина мы видим продолжение экзистенциалистского подхода к философии техники, но в версии «экзистенциализма» как фундаментальной онтологии, предложенной Хайдеггером. Библихин идет дальше Хайдеггера и рассматривает не столько отвлеченную категорию бытия, сколько онтологию природы и жизни.

Каков же ответ Библихина на вызов техники? В заключение своего выступления **Павлов** приходит к выводу, что в своих размышлениях Библихин восходит к стратегии Хайдеггера, увидевшего в греческом слове *τέχνη* возможность рассмотрения техники в корреляции с искусством. Подобно Хайдеггеру, Библихин видит в искусстве, а особенно – в поэзии, практику анемеханического отношения к миру. Вдохновляясь поэзией, Библихин на основе специфической модели отношений языка и мира разрабатывает такой стиль философского письма, через который феномены мира аффицировали бы субъекта, приводя его к состоянию анемехании. Иначе говоря, проект философии Библихина может быть прочитан как определенная практика восстановления связи человека и мира, человека и природы, утраченной в практиках концептуальной и практической эксплуатации мира в научно-технической цивилизации.

Иванова обратила внимание, что в докладе представлены размышления Библихина о практиках себя, в которых осуществляется прикосновение к миру. Но у Библихина «мир» – сложная категория, требуется ее расшифровка. Возможно, именно в интерпретации мира Библихин и Хоружий расходились. Как бы Вы определили «мир» по Библихину?

Павлов: «У Библихина основная интуиция состоит в том, что мир – это целое, это всё. Для Библихина важно не делить мир на разные части».

Во второй части сессии были представлены доклады аспирантов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и НИУ ВШЭ.

А.В. Тимофеева (аспирантка философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем докладе «Человек как сервомеханизм: пределы органопроекции» сделала акцент на двух мыслителях – Эрнсте Каппе и Павле Флоренском. В основе органопроекции заложена идея о том, что человеческие органы вдохновляли людей на создание технического устройства. Тимофеева воспроизводит идею Павла Флоренского, которая сводится к усложнению человеческих орудий. Несмотря на то, что теория органопроекции не всегда может объяснить усложнение технических устройств, по мнению докладчицы, эта концепция

претерпевает активные изменения. Более того, полемический потенциал органопроекции оказывается все более актуальным в современных реалиях.

Используя понятие «сервомеханизм», **Тимофеева** ссылается на Маршалла Маклюэна и его идею о том, что человек, используя технологии, приобретает свойства механизма («пчелы»), обеспечивающего саморасширение. В современном искусстве активно используется принцип технического «проецирования» человека. Нейросети, цифровая реальность, интеллектуальные системы и эстетически представленные результаты их деятельности представляют собой предмет рефлексии художника. Боязнь и демонизация техники могут быть объяснены тем, что люди в постоянно обновляющемся мире видят в ней самих себя. В связи с этим Тимофеева можно говорить о противостоянии логик гуманизма и трансгуманизма.

Е.Л. Иванова (сотрудник «Центра синергийной антропологии», НИУ ВШЭ) в своем вопросе заострила внимание на проблематичности связи трансгуманизма и мысли Павла Флоренского.

А.В. Михайловский отметил, что представление о человеке у Павла Флоренского и современных трансгуманистов различаются на теологическом уровне.

Доклад М.В. Жуковой, аспирантки Школы философии и культурологии (НИУ ВШЭ), под названием «Органопроекция в философии П. А. Флоренского в контексте современного трансгуманизма» продолжил дискуссию. Жукова, отвечая на предшествующие рассуждения, предполагает, что Флоренский испытал бы шок при встрече с трансгуманизмом. В его философии человек – венец творения, именно он определяет момент создания орудия. Технические орудия помогают человеку расширить возможности взаимодействия с миром, но не становятся самоцелью. Далее в докладе были кратко воспроизведены ключевые идеи Флоренского и трансгуманистов.

Жукова обратила особое внимание на критику трансгуманизма со стороны Русской Православной Церкви, изложенную в «основах социальной концепции РПЦ». По мнению Жуковой, Флоренский предлагал все же позитивный взгляд на технику, она, по его мнению, помогает человеку. Однако сознание и телесный образ самого человека должны оставаться без изменений и модификаций.

Доклад вызвал активное обсуждение, в ходе которого **Жукова** пояснила, что, согласно Флоренскому, орудие создается человеком подсознательно (иногда в сновидениях), и мы не можем понять, на основании какого именно органа сделано то или иное орудие.

Михайловский подчеркнул, что в основе органопроекции заложен морфологический принцип (форма некоего органа). В случае с генетикой, искусственным интеллектом или цифровыми системами, которые важны для трансгуманистов, речь идет не о конкретной форме, но о некой рациональной модели.

Сидорина в ответ предложила расширить понимание концепции органопроекции и ограничиваться не только копированием органов, но и моделей, процессов.

О.А. Агапов (профессор Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова) призвал не поддаваться «коммерческому шуму» трансгуманизма и вернуться к видению онтологической полноты, которое было у отца Павла Флоренского.

Е.Л. Иванова также призвала хранить «тайну» человека, которую нельзя подчинить техническому прагматизму.

Далее дискуссия перешла к обсуждению идей другого отечественного мыслителя – Б.П. Вышеславцева.

Д.А. Давлетшина (аспирантка Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ) посвятила свой доклад теме «Технократия как угроза деантропологизации в философской системе Б.П. Вышеславцева». Регульская ссылается на работу Вышеславцева «Критика индустриальной культуры» (1953), согласно которой технократия и индустриализм всегда развиваются вместе. Вышеславцев считал, что индустриальная культура одновременно расширяет возможности человека и умаляет его свободу. Теперь человек-функция должен обслуживать технику, а его творческое начало подавлено. Докладчица воспроизвела известную формулу Вышеславцева: технократия – техника власти и власть техники. Она обусловлена жадой политической и экономической власти, которая есть у определенной группы людей (инженеры, финансовые директора и т.д.). По мнению Вышеславцева, Маркс в своем анализе упустил этот промежуточный класс между пролетариями и капиталистами. Регульская отмечает, что критику технократии Вышеславцев часто связывает с критикой коммунизма, который он понимает как индустриально-тоталитарный режим. Перенос технического принципа «цель оправдывает средства» в сферу морали и права философ

связывал с опасностью деантропологизации, то есть утраты христианского понимания личности.

В ходе обсуждения **Михайловский** указал, что книга Вышеславцева отражает интеллектуальные тенденции эпохи, которые были актуальны и в западной мысли. К примеру, неомарксисты Франкфуртской школы критически относились к технократии и индустриальной культуре. В этом можно обнаружить точку пересечения с Вышеславцевым, который открыто противопоставлял себя марксизму.

Давлетшина подчеркивает, что, согласно Вышеславцеву, не только марксизм, но и капитализм является порождением индустриальной культуры. Необходимо учитывать жизненный опыт мыслителя и негативное отношение к советскому проекту.

Михайловский предложил воспринимать идеи Вышеславцева в том числе как часть анти-атомного движения, так как разработка ядерной бомбы становится результатом индустриальной культуры. Милитаризм XX века активно использовал ее достижения.

Д.А. Морозов (аспирант Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ), продолжая тему секции, в докладе «Техника и ratio в имажинативном проекте Я.Э. Голосовкера» обратился к наследию другого отечественного мыслителя XX века. В докладе автор отметил, что Голосовкер встроен в интеллектуальную традицию (к примеру, можно отметить влияние Шпенглера и Бердяева), однако его нельзя причислить к русской религиозной философии. Как и Вышеславцев, Голосовкер критически относится к современной технической цивилизации – «в основе культуры лежит нравственное начало». **Морозов** формулирует ключевой аргумент Голосовкера так: техника сама по себе нейтральна – она может «принести любое добро и любое зло», а значит она находится за рамками этики, то есть за рамками культуры; голый телеологизм цивилизации – вне этики. Русский мыслитель стремится защитить живую культуру с её нравственным началом от мертвой цивилизации, ярчайшим представителем которой становится современная техника. Отвлеченной логике ratio Голосовкер противопоставляет динамическую логику imaginatio (воображения). В эпохи доминирования ratio живущий в человеке «побуд к бессмертию» (имагинативный абсолют) затухает, происходит умаление культурных ценностей, упадок философии, искусства, морали, но не техники.

Reflection on technology in Russian philosophy of the XX-XXI centuries

Sidorina T., Morozov D. (School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University)

Abstract

The reader is offered an overview of the work of the session on the philosophy of technology within the framework of the sectional session "The social nature of technology: a technocratic boomerang" at the XIII Annual International Conference of the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities "Subject and responsibility: nature, society, culture". The session was attended by teachers and graduate students of the School of Philosophy and Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics and the Faculty of Philosophy of the Moscow State University by M.V. Lomonosov.

This section of the journal also includes a translation of an article by the German philosopher Hans Blumenberg "Atomic morality versus atomic strategy", in which we continue the discussion of reflection on technology in the philosophy of the twentieth century.

Keywords: technology, modernity, technocracy, consequences of technical development, Berdyaev, Bibikhin, Vysheslavtsev